

ГЕНЕРАЛ-ХОРУНЖИЙ ВСЕВОЛОД ПЕТРОВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ*

А.В. ГАНИН

Как известно, сторонники радикального украинского национализма всегда стремились к поиску исторического обоснования мнимой враждебности российских властей по отношению к Украине и украинцам в различные периоды нашей общей истории. Не стало исключением и такое масштабное событие в жизни Восточной Европы, как Великая Северная война.

В концентрированном виде наиболее вызывающие антироссийские трактовки можно найти в работах украинских эмигрантов первой половины XX в. Такая особенность связана, судя по всему, с тяжелыми условиями жизни в изгнании и потребностью эмигрантов выплеснуть накопившийся негатив по отношению к Советской России, «поработившей», как полагали сторонники подобных взглядов, в результате Гражданской войны украинские земли. Как знаток военного дела и военной истории, проблематикой Северной войны в украинской эмиграции активно занимался генерал-хорунжий армии Украинской народной республики (УНР) Всеволод Николаевич Петров (2.01.1883–10.07.1948). Анализ его работ по этой теме вполне определенно характеризует то историческое мировоззрение, которое сложилось в среде украинской военной эмиграции в целом.

Но прежде всего, несколько штрихов к портрету самого Петрова. Он родился в Киеве, в семье дворянина Киевской губернии, получил образование во Владимирском Киевском кадетском корпусе, Павловском военном училище (1902 г.) и императорской Николаевской военной академии,

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

которую окончил по первому разряду в 1910 г. В начале своей офицерской карьеры Петров несколько лет прослужил в гвардии. С молодых лет он увлекался гимнастикой и фехтованием. Перед Первой мировой войной служил в Киевском военном округе. Петров принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах. В мирное время был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1907 г.) и Св. Станислава 2-й степени (1913 г.). В годы Первой мировой войны Петров занимал должности старшего адъютанта 42-й пехотной дивизии, штаб-офицера для поручений при штабе XXIV армейского корпуса (с 15 сентября 1914 г.), штаб-офицера для поручений при штабе X армейского корпуса (с 6 июля 1915 г.), и. д. начальника штаба 7-й Туркестанской стрелковой дивизии (с 9 мая 1916 г.)¹. Мировую войну Петров закончил в звании полковника, причем за бой 27 апреля 1915 г. заслужил Георгиевское оружие (награжден 24 января 1917 г.).

В 1917 г. на Западном фронте Петров активно участвовал в процессе украинизации, охватившем некоторые части русской армии. Состоял членом украинской Рады 7-й Туркестанской стрелковой дивизии и III Сибирского армейского корпуса². Петров даже командовал сводным украинским отрядом своего корпуса³. В ноябре 1917 г. в районе станции Осиповщина неподалеку от местечка Мир Минской губернии он сформировал из украинских частей фронта полк имени К. Гордиенко (до 500 казаков и офицеров), вместе с которым, пройдя через Пинские болота, в декабре прибыл в Киев, где принял участие в боях с большевиками, в том числе в знаменитых боях за киевский Арсенал. Здесь, в боевых порядках, он и познакомился с одним из лидеров украинского национального движения тех лет командиром гайдамацкого коша Слободской Украины С.В. Петлюрой⁴, что сыграло определяющую роль в последующей карьере Петрова. Убеждения Петлюры оказались близки Петрову, который был одновременно и украинским националистом, и сторонником левых взглядов. На протяжении 1917–1922 гг. Петров непрерывно служил в различных украинских формированиях. Столь преданных украинской идее генштабистов насчитывались буквально единицы. Неудивительно, что Петров вскоре оказался в руководстве украинской армии.

По свидетельствам сослуживцев, Петров отличался энергичностью и храбростью, хорошо проявил себя во многих боях, иногда даже как рядовой с винтовкой в руках⁵. В 1918 г. он был командиром 3-го Запорожского куреня войск Центральной Рады (с 9 февраля 1918 г., позднее – 1-й Запорожский конно-гайдамацкий полк им. К. Гордиенко). С июня 1918 г. Петров состоял в распоряжении начальника Генштаба Украинской державы, с 29 июля 1918 г. получил должность начальника штаба 12-й пехотной дивизи-

зии гетманской армии, расположенной в Лубнах, но с августа 1918 г. вновь оказался в распоряжении начальника Генштаба. Осенью 1918 г. Петров занялся военно-учебными вопросами. В частности, с 14 октября являлся помощником начальника учебного отдела пехотных школ Главного управления военно-учебных заведений (Головной школьной управы) военного министерства. С 28 октября занял пост помощника начальника 2-й Киевской объединенной юнкерской школы, с 1 декабря 1918 г. – помощник начальника офицерской инструкторской школы, с 22 декабря – начальник Житомирской юнкерской школы. Находясь на этой должности, Петров 13 марта 1919 г. был контужен, но остался в строю. Наконец, в 1919 г. начался карьерный взлет Петрова. Со 2 июня 1919 г. он – командующий Волынской группой Действующей армии УНР, а с 9 июля – военный министр УНР. На этом посту Петров многое сделал для того, чтобы усилить украинскую армию и возродить ее Генеральный штаб. В частности, он занимался переводом генштабистов с канцелярских должностей на посты, более соответствовавшие их квалификации⁶.

5 ноября 1919 г. Петров занял пост товарища военного министра, а с 1 мая 1920 г. служил инспектором пехоты армии УНР. 5 октября 1920 г. он получил звание генерал-хорунжего. В период пребывания украинских войск в лагерях интернированных в Польше с марта 1921 г. стал 1-м генерал-квартирмейстером Генерального штаба УНР, а с 19 августа 1921 г. – начальником Генерального штаба. Наконец, 24 июня 1922 г. был, видимо, по состоянию здоровья освобожден от обязанностей начальника Генштаба, и по собственному желанию уволился в запас⁷.

По характеристике украинского генерала Н.А. Капустянского, Петров – «храбрый. Успешно руководил своими частями в боях, особенно конным полком им. Костя Гордиенко. Был для воинов образцом, примером своею отвагой в боях. Талантливый, работоспособный, творческий, темпераментный, а временами и неуравновешенный в своих увлечениях. Имел связи с левыми украинскими партиями (эсеры). Они впоследствии выдвинули кандидатуру полк. Петрова на пост Военного Министра»⁸. По рассказам самого Петрова, еще в академии он вошел в какое-то оккультное общество, что подорвало его нервную систему⁹.

Дополняет характеристику Капустянского мнение другого генштабиста – помощника начальника украинского Генштаба генерала Г.Е. Янушевского, знавшего Петрова на протяжении многих лет: «...в то время в самом Ген. Штабе происходили большие нелады. Генерал Петров со свойственной ему страстностью и не скажу – со строгою обдуманностью и осторожностью – сводил свои старые счёты со своими бывшими сослуживцами

по Генеральному Штабу, а ныне своими подчиненными, под видом так модной в то время «непewности»¹⁰ и делал это так, что заставил меня даже обратить его внимание на неудобство подобной расправы»¹¹. Это важное свидетельство указывает на то, что Петров уже в первые годы эмиграции, будучи начальником украинского Генерального штаба, активно использовал свое положение для сведения счетов при помощи обвинения неугодных ему лиц в нелояльности идеологии украинского национализма. Не случайно Янушевский в другом месте назвал Петрова «ярым демагогом»¹². Факты сведения Петровым личных счетов с использованием служебного положения, приведенные в мемуарах Янушевского, имеют документальное подтверждение¹³.

Вспоминая о своих предвоенных занятиях с офицерами Генерального штаба в Киевском военном округе, Янушевский писал о Петрове: «Энергичный, неутомимый спортсмен, всегда веселый, находчивый в сложных положениях, он давал основание ожидать, что при надлежащем руководстве из него выйдет прекрасный, полезный офицер Генерального Штаба. Условия службы в русском довоенном Ген. Штабе не представляли благоприятной почвы для развития тех отрицательных качеств, которые выразились в следующей, довольно близкой к действительности, характеристике генерала Петрова»¹⁴. Далее Янушевский процитировал мемуары Капустянского о Петрове, которые мы уже приводили выше.

Заигрывания Петрова с солдатской массой нашли отражение в карикатуре из украинского сатирического журнала «Колючки», изображавшей Петрова, танцующим вприсядку перед строем. С другой стороны, его поведение можно понять. Петров, по всей видимости, относился к категории «вундеркиндов», выдвинутых Гражданской войной. Именно так подобных ему выскочек презрительно именовали старые офицеры. Достаточно отметить, что Петров дослужился до генеральских чинов к 37 годам, причем прошел путь от капитана до генерала всего за шесть лет. Разумеется, никакого серьезного военно-административного опыта у него не было, но, как и у многих людей, сделавших стремительную карьеру в антибольшевистском лагере, было прекрасное понимание нюансов текущей политической конъюнктуры и сильное стремление любой ценой добиться популярности у солдат. О том, что Петров был склонен к демагогии, писал в 1923 г. и еще один украинский генерал-генштабист С.И. Дядюша. В одном из писем украинскому генералу-генштабисту В.А. Сигареву он отмечал: «Петров, имевший много лекций по Администрации, Военному искусству и тактике технических войск¹⁵, вчера уехал с женой и сыном (два месяца тому родился у него маленький демагог) в Прагу... Петров уехал демонстратив-

но, буквально ни у кого не побывавши: ни у Удовиченко¹⁶, ни у Куца¹⁷, ни у меня, очевидно с[о] здешней ориентацией все рвет, тем более, что у нас ходят сплетни (здесь подчеркнуто автором – А.Г.), что в Праге они (с.р.)¹⁸ устраивают новый центр...»¹⁹.

Приведем еще одно, крайне важное для оценки личности генерала Петрова свидетельство Янушевского: «Работать с генералом Петровым было легко: он быстро схватывал мысль и ориентировался, не спорил о мелочах, как это обыкновенно бывает с людьми узкого кругозора. На протяжении нашей 10-месячной совместной на этот раз службы наши отношения ни разу не омрачались. Но, несмотря на прекрасные служебные отношения, между нами стояла непреодолимая стена – ненависть Петрова ко всему русскому, доходившая до хитрости его скрытность, а также чересчур уже явная его демагогия, которою он как бы даже щеголял. Он сам неоднократно отзывался о себе как о демагоге. Но причин этого я так и не узнал. Полагаю, что это «дань времени» и той среде, в которой мы находились; ибо там показная ненависть ко всему русскому считалась как бы признаком «хорошего, патриотического тона». Будь в то время лейб-гвардии Литовский полк, не было бы украинского генерала Петрова, но был бы вполне корректный и лояльный гвардейский полковник Петров.

Как-то раз на обеде с польскими офицерами Генерального штаба в Калише 18 апреля 1922 г. генерал Петров в застольной речи проговорился, что «главковерх Крыленко объявил его вне закона». Быть может этим объясняется до некоторой степени ненависть его ко всему русскому. Мне же лично эта ненависть не казалась искреннею: она, по-видимому, вызывалась желанием «загладить» большой свой грех в глазах украинских «левых демократических діячей»²⁰, могущий отразиться на его будущей карьере, – явно еще недавнюю службу в «царской гвардии». А генерал Петров действительно был честолюбец и карьерист.

Но чего я никак не мог объяснить себе в характере и деятельности генерала Петрова, – это его какую-то болезненную страсть к слежке, шпионажу, к КР (контрразведке – А.Г.). Он следил за всеми и всем: он знал, кажется, все, что делалось в таборах²¹, не исключая самых интимных подробностей семейной жизни. Для этого он имел при Генеральном Штабе свою собственную КР...»²². Итак, по оценке офицера, прекрасно знавшего Петрова, его национализм был неискренним и вызывался карьерными соображениями. Впрочем, на Украине апологетическая биография Петрова недавно вышла в серии «Украинские государственники»²³. С другой стороны, подлинных и убежденных сторонников украинского национализма среди высших украинских офицеров периода Гражданской войны было

немного, так что особого выбора для идеализации у современных поклонников этого движения нет.

Петров был, безусловно, знаковой фигурой для украинской военной эмиграции и одним из ее лидеров. Кроме того, он вполне может быть отнесен к числу наиболее радикально настроенных украинских националистов из числа бывших офицеров русской армии и офицеров Генерального штаба, оказавшихся во время Гражданской войны в украинских вооруженных формированиях. Генерал В.Н. Петров не был украинцем по происхождению, а являлся потомком обрусевших шведов и норвежцев, живших на территории Малороссии. Его прадед попал в русский плен как раз во время Северной войны и в честь царя Петра получил фамилию Петров, возможно, этим отчасти объясняются симпатии В.Н. Петрова к Карлу XII²⁴. Ни происхождение, ни русская фамилия, ни служба офицером в русской армии не способствовали инкорпорированию Петрова в среду украинских националистов. Возможно, поэтому он был столь радикален во многих своих высказываниях, а для подчеркивания собственной «щирости» в эмигрантских кругах Петров любил ходить в украинской «вышиванке». В 1927 г. он был включен в число свидетелей на знаменитом судебном процессе по делу Ш. Шварцбарда, застрелившего С.В. Петлюру²⁵. По своим взглядам генерал Петров был украинским националистом, что сочеталось с его социалистическими взглядами. Идеалом государственного устройства для Петрова была трудовая республика²⁶. Возможно, по этой причине в годы Второй мировой войны он активно поддерживал политику германских национал-социалистов. По мнению Петрова, которое он высказывал весной 1943 г., если бы Гитлер был у власти в Германии в 1918 г., то украинцы не оказались бы в эмиграции²⁷.

В эмиграции как один из старших и наиболее авторитетных украинских офицеров Петров часто получал приглашения выступить на различных украинских торжественных мероприятиях. Он по-прежнему увлекался гимнастикой, участвовал в сокольском движении, занимался преподавательской работой и много печатался, работал над военно-научными, военно-историческими трудами, воспоминаниями, занимался публицистикой, которая дает полное представление о его политических убеждениях, писал стихи и даже сказки. Публикации Петрова выходили в издававшихся в эмиграции украинских газетах и журналах: «Летопись червонной калины», «Дело», «Литературно-научный вестник», «Луговик», «Днипро», «Свобода», «Украинский голос» и многих других. Петров серьезно занимался вопросами военной географии, следил за развитием военной мысли. Одной из своих задач Петров видел подготовку того, что можно назвать

украинским «Генеральным штабом», к возможной вооруженной борьбе за интересы Украины²⁸.

Нередко он печатался под псевдонимами: «Гордієнко та не Кость» (как бывший командир полка им. К. Гордиенко) и «Всеволод Лясиченко». Петров также состоял членом Украинского института обществознания, с 1923 г. был лектором физической подготовки Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова в Праге²⁹, состоял в украинском военно-научном товариществе и был одним из его руководителей³⁰. В 1939 г. был учителем гимнастики в одной из гимназий³¹.

Семья Петрова, оставшаяся в СССР, подверглась репрессиям³². Дочь Петрова Злата, не имевшая около двух десятилетий вестей от отца, открыто радовалась приходу немцев и писала отцу из Киева 13 ноября 1941 г.: «Хотя сегодня тяжело приходится, но сознание того, что мы уже избавились от опеки «родного отца Сталина» так окрыляет к новой жизни и новой работе, что сердце бьется от счастья и хочется работать и работать на пользу нашей обновленной Неньки Украины»³³.

В годы Второй мировой войны Петров в качестве военного министра вошел в состав украинского правительства, провозглашенного летом 1941 г. ОУН С. Бандеры во Львове. Петров возлагал большие надежды на гитлеровскую Германию, принимал активное участие в переговорах с нацистами. В это время в эмигрантских кругах Петрова прочили на пост главы украинского правительства³⁴.

В изгнании Петров занялся изучением украинской военной истории начала XVIII в., выступал с докладами на эту тему. Событиям Северной войны посвящен его очерк «Московско-украинская война 1708–1711 гг.», составленный им в Чехословакии летом 1926 г.³⁵ Итак, что же писал генерал Петров о Северной войне? В каком ключе рассматривал ее события? Прежде всего, все происходившее в XVIII в. генерал Петров пропускал сквозь призму своего жизненного пути и воспоминаний о Первой мировой войне, революции и Гражданской войне, видел в событиях прошлого конкретный практический опыт для украинских националистов. Метания гетмана И. Мазепы Петров оправдывал тем, что и в XX в. многие государства лавировали между различными блоками³⁶. Сопоставляя украинские формирования XVIII и XX вв., Петров находил много общего, считая эти армии передовыми армиями всенародного типа.

По мнению генерала, национальное освобождение украинского народа невозможно без участия широких народных масс, без выдвижения социальных лозунгов, без популярных демократических лидеров. При этом, по мнению Петрова, гетман И. Мазепа стремился вести войну под соци-

альными лозунгами, тогда как они не были популярны³⁷. Обратим внимание на название его работы, значительно отличающееся от общепринятого представления, согласно которому украинско-московской войны как таковой в это время все же не было, а лишь сравнительно небольшая часть казаков во главе с Мазепой перешла на сторону шведов. Между тем, Петров писал, что украинцы составляли 40% армии Карла XII в полтавский период³⁸.

Разумеется, вину за возникновение русско-украинского противостояния Петров возлагал на Москву, которая нарушала Переяславский договор 1654 г. Москва, полагал Петров, лишь использовала украинцев и украинские территории в своих интересах, проводила русификацию, а московские гарнизоны якобы творили произвол. Хронологические рамки украинско-московской войны Петров определял как период 1708–1711 гг. Выдавая желаемое за действительное, Петров стремился показать, что Москвой на Украине в тот период будто бы все были недовольны³⁹. В работах Петрова есть и масса других откровений. Например, что Москва разрушала и уничтожала все украинское, а шведы, наоборот, не разрушили ни одного украинского города⁴⁰. Конечно, генерал явно тенденциозен в этом вопросе и, видимо, намеренно не упоминал факты террора шведов на Украине, не укладывающиеся в его концепцию. Вопреки исторической действительности Петров писал, что 6 000 украинских казаков бились на полтавском поле⁴¹. Петров призывал на основе опыта прошлого осторожнее относиться к внешним союзным силам, чтобы борьба при помощи союзников не вызвала освободительную борьбу против союзников. Ответственность за поражение в войне Петров возлагал на Карла и Мазепу. Последний, по его мнению, отличался нерешительностью. Полтавский разгром Петров считал скорее разгромом украинцев, чем шведов. Одним из ключевых постулатов Петрова было то, что Москва завладела Украиной насильственным путем. Думается, этот тезис был весьма важен для русофобской идеологии украинского национализма. Всячески пытался Петров принизить и полководческое искусство Петра I. Например, он писал, что Петр уступал в этом Богдану Хмельницкому, поскольку все силы концентрировал в одном месте, не оставляя ничего для глубоких охватов⁴².

В работах Петрова проскальзывает неприкрытая ненависть ко всему русскому, т. е. к тому, что окружало Петрова до 1917 г., когда он никак не демонстрировал свою приверженность идеалам украинского национализма. Петров «в своей ненависти, кажется, не знает границы», – писал о нем в 1924 г. один из украинских офицеров-эмигрантов⁴³. И это действительно так. Сохранились схемы, которые готовил Петров к своим публикациям

по истории Северной войны. Например, схема действий в районе Полтавы в 1709 г. Весьма показательны условные обозначения этого чертежа – запорожцы, шведы, Скоропадский, москали⁴⁴. В характеристике поручика В. Филоновича Петров отметил, что тот бежал с белыми москалями от москалей червонных⁴⁵. Таким образом, для Петрова, как, в частности и для другого видного украинского военного деятеля генерала А.И. Удовиченко⁴⁶, не было красных и белых, а существовали лишь две разновидности «москалей».

В октябре 1941 г., когда немцы были под Москвой, он поспешил в одной из украинских газет, выходивших в Польше, написать о том, что поражение СССР во Второй мировой войне является историческим фактом. Радости генерала-эмигранта не было предела, поскольку «темные людские массы» СССР прежде угрожали жизни Европы⁴⁷. Петров прямо заявлял: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой, ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь и, нужно верить, что навсегда»⁴⁸. Генералу очень хотелось верить, что украинцы еще во времена Мазепы осознали угрозу, которую несла человечеству Россия, и боролись с ней уже тогда, а теперь эту миссию выполняет нацистская Германия. Кстати, неудивительно, что примерно в этот период Петров писал о поддержке большевиков со стороны мирового еврейства⁴⁹.

В другой анонимной статье «Правдивое обличье Москвы» в той же газете «Краковские вести», по всей видимости, Петров печатал и вовсе удивительные излияния. Он вновь писал о том, что при Петре московские орды сунулись на Украину и разрушили столицу в Батурине, так же, как и в 1918 г. советские орды М.А. Муравьева пришли в Киев⁵⁰. Аналогия весьма сомнительная. Из этой аналогии Петров выводил тезис о том, что историческое предназначение Москвы – «дух разрушения, жажда истреблять и резать, – вот, что характеризует ее в ходе столетий, за все время ее существования»⁵¹. Москва, полагал Петров, приняла на себя духовное наследие азиатских орд. «Эта Москва, неизменная и последовательная в своей злодейской акции, является вечным врагом Украины, Европы, порядка, культуры»⁵². Петров считал, что литература на «московской мове» разлагает украинскую молодежь⁵³, писал о примитивности россиян⁵⁴. Ознакомление с некоторыми публикациями Петрова оставляет впечатление, болезненной русофобии. Кажется, что перед нами не представитель военной элиты дореволюционной России, получивший в России и воспитание, и возможность сделать блестящую карьеру, и положение в обществе, а ка-

кой-то средневековый варвар. Самое интересное, что позиция Петрова не вызвала ни возмущения, ни удивления в украинской эмиграции. Так что есть все основания полагать, что другие украинские эмигранты, тем более, если речь идет о военной эмиграции, немногим отличались по своим взглядам от Петрова.

Однако ненависть – плохой советчик, и генерал Петров в своих суждениях эпохи Второй мировой войны жестоко просчитался. В конце войны ему пришлось бежать с насиженных мест в западную Германию, чтобы не попасть в плен не пожелавшей остаться на европейских задворках Красной армии. Спустя три года Петров, с сознанием полного крушения всех надежд, умер в беженском лагере Регенсбург в Западной Германии.

Интересно понять причины возникновения такого восприятия истории, которое содержится в статьях и рукописях генерала Петрова, в общем-то, человека русской культуры. Каким образом такой махровый русофоб мог оказаться в корпусе офицеров Генерального штаба, попав в эту элитную внутриармейскую корпорацию? Насколько вообще лояльны власти и патриотичны были офицеры-генштабисты? Единственным объяснением является, что называется, не врожденная, а приобретенная после 1917 г. по карьерным соображениям русофобия Петрова. К сожалению, карьеризм был одним из главных пороков офицеров-генштабистов русской армии. Именно поэтому в их среде и встречались люди вроде Петрова.

Вступив по каким-то соображениям на путь украинизации в 1917 г., в период Гражданской войны и после нее Петров сознательно порвал всякие связи с Россией, прежним кругом общения и стремился инкорпорироваться в украинскую военно-политическую среду для успешного продвижения по карьерной лестнице уже в ее рамках. Признаком лояльности идеалам украинской государственности и была оголтелая русофобия, которую генерал постоянно демонстрировал в своих эмигрантских публикациях. Таким образом, перед нами уже не русский офицер, а один из наиболее рьяных проводников идей украинского национализма.

Разумеется, работы генерала Петрова о Северной войне и военной истории XVII–XVIII вв. нельзя назвать академическими, хотя некоторые из них и претендуют на научность. Тем не менее в этих трудах в полной мере отразились те установки, взгляды и оценки, которые были характерны для идеологии украинского национализма в эмиграции. Некоторые из этих взглядов, хотя и в более умеренном выражении, находят свое отражение и логическое продолжение в современной украинской национальной историографии. Конечно, для украинского национального самосознания всег-

да остро стоял вопрос с кем быть – с Россией или с Европой. Традиционно эти два полюса ориентации противопоставлялись, хотя такое противопоставление в значительной степени было искусственным. Идеология радикального украинского национализма неизбежно поднимала на щит идею того, что Украина является неким форпостом, ограждающим западный мир от азиатских орд, угрожающих ему из России. Во времена генерала Петрова речь шла о союзе против этой вымышленной угрозы с «фюрером Великой Германии», а вполне прозрачные параллели сегодняшнего дня в представлении не нуждаются.

¹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 г. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июня 1914 г.). – Пг., 1914. – С. 590; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Января 1916 года (С приложением изменений по 1 Марта 1916 г.). – Пг., 1916. – С. 115; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е Января 1917 г. (С приложением изменений по 8 Февраля 1917 г.). – Пг., 1917. – С. 113.

² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 344.

⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 31.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 1, 2 об.

⁶ Процес генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. – Вінніпег, 1976. – С. 19.

⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 4. Д. 9. Л. 45. Подробнее см.: **Тинченко Я.Ю.** Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. – К., 2007. – С. 334–335.

⁸ **Капустянский М.** Похід Українських Армій на Київ – Одесу в 1919 році (Короткий военно-історичний огляд). Кн. 1. – Мюнхен, 1946. – С. 49.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117 об.

¹⁰ «Непевность» – от укр. «певний» – благонадежный – А.Г.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 217 об.

¹² Там же. – Л. 220 об.

¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 3 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

¹⁵ Речь идет о преподавании Петрова на руководимых генералом Дядюшей ускоренных курсах подготовки штабных офицеров в украинском беженском лагере Калиш – А.Г.

¹⁶ Удовиченко Александр Иванович – генерал-полковник армии УНР, окончил ускоренный курс Николаевской академии Генерального штаба (1917 г.) – А.Г.

¹⁷ Куц Виктор Максимович – генерал-хорунжий армии УНР, выпускник Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1912 г.) – А.Г.

¹⁸ С.р. – социалисты-революционеры – А.Г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

²⁰ Діяч (укр.) – деятель. Этим словом генерал Янушевский называет разделявших идеологию украинского национализма, но неквалифицированных политических и государственных деятелей – А.Г.

²¹ Речь идет об украинских беженских лагерях в Польше – А.Г.

²² ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 118 об. – 119.

²³ **Сергійчук В.** Всеволод Петрів. – К., 2008.

²⁴ Там же. – С. 7–8.

²⁵ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

²⁶ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 130. Л. 44.

²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 97.

²⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 44, 54; Д. 125. Л. 11.

³⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 1; Оп. 2. Д. 159. Л. 88 об.

³¹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 19.

³² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155–155 об.; **Сергійчук В.** Всеволод Петрів. – К., 2008. – С. 279–280.

³³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155 об. – 156.

³⁴ Там же. – Л. 75.

³⁵ Машинописный экземпляр очерка с автографом Петрова хранится в: ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 5а. Л. 60–80. Впервые опубликован В. Сергійчуком в сб.: На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа. Науковий збірник. – Київ, 1999. – С. 122–147.

³⁶ **Петрів В.** Військово-історичні праці. Спомини. – К., 2002. – С. 186.

³⁷ Там же. – С. 187.

³⁸ Там же. – С. 25.

³⁹ Там же. – С. 188–189.

⁴⁰ Там же. – С. 196.

⁴¹ Там же. – С. 200.

⁴² Там же. – С. 169.

⁴³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 92.

⁴⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 57.

⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 140.

⁴⁶ **Удовиченко О.І.** Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. – К., 1995. – С. 127–128.

⁴⁷ **Петрів В.** Військово-історичні праці. Листи. – К., 2004. – С. 170–171.

⁴⁸ Там же. – С. 172.

⁴⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 58.

⁵⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 132. Л. 62 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 163. Л. 5.

⁵⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л.